

Вот и последняя картина последнего акта. Закрывается и опять раздвигается тяжелый занавес, и Анна Яковлевна Покидченко вместе с другими актерами выходит на аплодисменты. А через несколько минут, наскоро стерев грим, она уже поднимается к себе в небольшую комнату. Стакан горячего чая, и спать, спать... За четыре—пять часов, проведенных на сцене, прожит большой кусок чужой жизни с ее горестями и радостями, победами и поражениями. Утомление разлито не только по всему телу. Утомлена и сама душа. Кажется, прикоснись голова к подушке, и сразу же надвинется крепкий без сновидений сон. Но это только кажется. Стоит закрыть глаза, и один за другим, точно кадры киноленты, поплывут, замелькают эпизоды спектакля. В них Анна Яковлевна видит себя, как будто со стороны, придирчиво разбирает свои интонации, мимику, жесты.

И вот уже сон окончательно бежит прочь. Актриса, включив свет, вновь и вновь перечитывает пьесу, роется в книгах, добываясь ясности и цельности создаваемого характера...

Некоторые роли воплощаются в зримый, полнокровный образ без таких сложных, а подчас и мучительных поисков. Совершенно, например, реально, осязаемо предстала перед Анной Яковлевной, после первого же разбора пьесы, Аня Березко. Да, она увидела ее, как живую, сначала доверчивой девушкой, жадно устремившейся в большую жизнь, потом — всю озаренную внезапной, как летняя гроза, любовью. Образ Ани ясен артистке и в последующих актах, когда молодая женщина с болью, с тяжелой обидой расстается с иллюзией безоблачного счастья, видит, что ее избранник — низкий карьерист, мелкая душонка.

Когда образ ясен в своей основе — остается продумать какие-то отдельные штрихи, черточки, оттенки, наложить последние мазки, после которых образ окончательно заживет, заиграет.

— Самый трудный вопрос, на который я никогда не могу ответить, — говорит Анна Яковлевна, — это вопрос: как я готовлю роль. Ну, как рассказать о том, что при создании того или иного образа что-то приходит за счет интуиции, что-то за счет каких-то лично пережитых событий и чувств, что-то взято из книг, из виденного и услышанного. Здесь целый комплекс.

Актриса задумывается, и ее живые глаза чуть щурятся, будто она вглядывается в солнечную даль.

— Вот как, например, можно объяснить, что монолог бесприданницы, — помните, после поездки ее за Волгу, — у меня всегда ассоциируется с прохладной тенью парка, с шелестом листьев, с журчащей в арыках водой? Или почему подчас самые удачные творческие находки осеняют внезапно, где-нибудь в толчее магазина, на шумной улице, за прозаическим приготовлением обеда?.. А иной раз специально сидишь с режиссером, продумываешь и так и этак мизансцены и ничего не выходит... Сложно все это и страшно интересно. Устаешь ужасно от репетиций, спектаклей, разучивания ролей, от всех дум и переживаний, а скажите мне — перемены профессии — ни за что на свете!

И Анна Яковлевна от души смеется. Сверкают глаза, зубы, растрепались черные вьющиеся волосы.

— Я просто не мыслю себя вне театра, в нем моя жизнь, мое призвание, — продолжает она.

И вот уже с подвижного лица Анны Яковлевны исчезло веселое, немного озорное выражение, затуманились грустью

глаза. Воспоминания всегда вызывают немножко хорошей грусти. Сейчас актрисе отчетливо рисуются картины детства: родной, зеленый, всегда оживленный Ростов, тихий Дон, театр, где работал ее отец-актер, темные лабиринты кулис, где она, совсем маленькая девочка, чувствовала себя, как дома. В памяти встает и тот незабываемый, волнующий день, когда она, Аня Дnepова, двенадцатилетняя школьница, выступила в роли Майки в спектакле «Платон Кречет». С того дня прошло уже 18 лет, сыграны десятки ролей на сценах различных городов, получено звание заслуженной артистки. Но так свежо и ярко воспоминание о том непередаваемом чувстве, которое овладело Аней, когда она произнесла первые слова и почувствовала на себе взгляды сотен глаз, что, кажется, все это случилось только вчера...

Война прервала учебу в Ростовском театральном училище. Позже в Алма-Ате, куда эвакуировались ее родители, Аня заканчивает студию, одновременно работая в театре.

Здесь уже сыграны Соня в «Дяде Ване», Нада во «Врагах», много ролей в советских пьесах. В Ашхабадском театре, куда она получает назначение, ее ждет самое серьезное испытание: Анне Яковлевне поручают играть Ларису в «Бесприданнице» — это ее первая серьезная, редущая роль. Именно этот спектакль и явился тем «боевым крещением», которое определило творческие возможности молодой актрисы, показало глубину дарования, дало намечки на будущее.

— Но что все эти волнения и тревожения по сравнению с теми чувствами, которые испытывала я и весь коллектив театра, когда мы выступали в прошлом году перед московскими зрителями, — вспоминает Анна Яковлевна.

— Все дни в Москве — похожи на счастливый, лучезарный сон. Я все время была в состоянии какого-то трепета — иначе я не могу назвать свое состояние. Когда мы ставили спектакль на сцене МХАТ'а, я чуть не заплакала, увидев эмблему чайки на занавесе. А гримировалась я в артистической Аллы Тарасовой. Сейчас даже смешно вспомнить, как у меня дрожали руки и все плыло в зеркале, — до того я волновалась... А тому, что мне, еще очень молодой актрисе, присвоили звание заслуженной артистки РСФСР, я и до сих пор не могу поверить, не могу прочувствовать до конца. Знаю одно — нужно очень много и очень хорошо работать, чтобы его оправдать...

Анна Яковлевна — актриса, как говорят, многогранная, многоплановая. Мальчик Никитка в «Личном деле» и Ин-Ин в «Пролитой чаше», Поэма в «Не называй фамилий» и Зоя в пьесе «По велению сердца», Дикарка и Аня Березко — образы и характеры, не похожие один на другой, требующие от артистки большого искусства перевоплощения. Некоторые из них ей очень по душе, очень близки и дороги, и играет она их с особым творческим подъемом. И все же среди этих ролей нет той, самой любимой, самой заветной, о какой мечтает каждый актер.

— Очень хочется сыграть, — говорит Анна Яковлевна, когда заходит разговор о будущем, — настоящую советскую женщину, мужественную и трудолюбивую, нежную и скромную, всегда полную оптимизма, веры в себя и свои силы. Такую женщину не сломают никакие невзгоды и беды, все она переживет, все вынесет и с ясной улыбкой будет глядеть вперед... Я не знаю, когда эта моя мечта станет реальностью, но знаю, что день, когда я сыграю такую роль — будет одним из самых счастливых и значительных в моей жизни.

Ю. ГЛУШКОВА.

8 MAR 1956

Чкаловская коммуна
г. Чкалов